

то богатство духа, которое приобретается дѣлами любви и добра. И лозунгомъ его жизни является не борьба за существованіе, а борьба за принципъ, за идеаль. Онъ вѣритъ, что всякая нравственная побѣда остается при немъ и развиваетъ то внутреннее существо, которое лежитъ въ основѣ его индивидуальнаго ядра. Онъ вѣритъ въ прогрессъ и знаетъ, что всякій шагъ его на пути къ личному усовершенствованію не пропадетъ, а приложится къ тому капиталу, съ которымъ онъ перейдетъ въ другую сферу существованія, и въ которой это усовершенствованіе будетъ продолжаться.

И какъ близокъ былъ къ этой истинѣ графъ Толстой, когда онъ говоритъ: «Ясно, что уничтоженіе послѣдняго по времени сознанія, при плотской смерти, такъ же мало можетъ уничтожить истинное человѣческое я, какъ и ежедневное засыпаніе» (стр. 303, также 301). Можно подумать, что онъ говоритъ о посмертномъ сохраненіи этого я, но онъ тутъ же разбиваетъ это, говоря: «то, что связываетъ всѣ сознанія въ одно, то, что и есть особенное я человѣка, находится внѣ времени, всегда было и есть, и то, что можетъ прерываться, есть только рядъ сознаній извѣстнаго времени». Слѣдовательно, опять вѣчное, безличное движеніе жизни. Чего же испугался графъ Толстой? Или онъ усомнился въ безконечныхъ возможностяхъ природы, въ безконечной мудрости ея